

Вероника Генри

Вероника
Генри

Долгий уик-энд

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Г34

Серия «Читаем везде!»

Veronica Henry
THE LONG WEEKEND

Перевод с английского *Т. Борисовой*
Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Intercontinental Literary Agency Limited of Centric House
и Andrew Nurnberg.

Генри, Вероника.

Г34 Долгий уик-энд : [роман] / Вероника Генри ; [пер. с англ. Т. Борисовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Читаем везде!).

ISBN 978-5-17-097704-8

В прекрасном отеле на побережье Корнуолла уик-энд только начинается...

Хозяйка отеля Клэр Марло уверена: эти выходные пройдут идеально, но неожиданная встреча с бывшим возлюбленным, которого она видит среди гостей, меняет все.

Чем закончится для них этот уик-энд? И что он принесет остальным постояльцам отеля?

Тревору и Монике, чей сын сбежал из дома много лет назад, и теперь они пытаются преодолеть утрату и начать новую жизнь?

Колину, преуспевающему бизнесмену, приехавшему в отель, чтобы исправить ошибки прошлого?

И Лоре, уверенной, что корнуоллский берег хранит разгадку тайны, терзающей ее всю жизнь?

В этот уик-энд может случиться все!..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Veronica Henry, 2012

Школа перевода В. Баканова, 2014

ISBN 978-5-17-097704-8

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

*Вилла «Мельница»
Мимсбери
31 декабря 1999 года*

Дорогие мои, чудесные мальчики!

К тому времени как это письмо попадет к вам в руки, вы наверняка успеете на меня разозлиться. Но, пожалуйста, попробуйте отключить ваши чувства и понять, почему я решила поступить именно так. Не сомневаюсь, вы считаете, что у меня в отличие от вас был выбор. Наверное, вы правы. Возможно, мною двигал эгоизм. Возможно, я думала лишь о себе. Только знаете, как это тяжело? Я бы многое отдала, чтобы никогда не стоять перед необходимостью такого выбора.

Словом, надеюсь, вы меня простите. И запомните такой, какой я хочу сохраниться в вашей памяти. Ведь в моих последних воспоминаниях каждый из вас счастлив, весел и беззаботен. Оставайтесь такими всегда — ради меня.

С огромной любовью, ежечасной и вечной.

Целую. Мама.

Пролог

Прошло уже семь лет, а ее до сих пор волнует его запах после сна — едва уловимый острый аромат пота, смешанного с туалетной водой «Иссей Мияке».

Чувственный рот; сломанный нос — история этого перелома меняется в зависимости от количества выпитого и от слушателей; на голове по-прежнему красуется бандана, которой он во время работы укрощает свои темно-каштановые кудри. Веки во сне чуть подрагивают, под ними скрываются зеленовато-желтые глаза, порой вспыхивающие оранжевыми искрами. Он поворачивается, и в нос ей ударяет амбре от полбутылки граппы — такое едкое, что слезятся глаза. После ночных бдений на кухне, утверждает он, ему нужно расслабиться.

Она подобным заявлениям ни капли не верит. Ему ничего не стоит приготовить ужин на целую армию голодных клиентов. Для него это так же просто, как дышать. Вторая натура.

Еще одно проявление его природы — крайности. Именно это и притягивает ее, но и создает проблемы. Он проспит до одиннадцати. А она встанет через десять минут. Она вечно просыпается раньше звонка будильника — из страха, что тот не сработает. Кто-то же должен быть на ногах вовремя. Отель, между прочим, сам собой управлять не умеет, а хорошая работа персонала целиком зависит от того, кто им руководит.

Что-что, а уж руководить Клэр Марло умеет великолепно. Она — богиня делегирования и разделения полномочий, дипломатии и многозадачности.

Лука прекрасно готовит. И общается. И веселится. И пьет. Потому-то люди и стремятся поесть в его ресторане и остановиться в его отеле.

Лука — легенда.

Жить с легендой утомительно, и Клэр выбилась из сил. Каждая ее клеточка молит об отдыхе. Но в предстоящие выходные дел будет невпроворот, такого наплыва гостей в этом году еще не случалось. Прогноз погоды отличный: синоптики обещают яркое солнце и тепло. Народ сможет перевести дух, расслабиться. Повеет, конечно, не всем — тем, кто работает в пабах, кафе или садовых центрах, покой только снится.

И сотрудникам пятизвездочного отеля у моря — тоже.

Она отключает будильник, пока тот не зазвонил — ей и без него хорошо известно, что пора вставать, — отбрасывает одеяло. Лежащий рядом Лука недовольно ворочается. Закидывает на нее руку, обнимает прежде, чем Клэр успеет выскользнуть из постели. Его ладонь поглаживает ее бок. Вверх-вниз... Утомленное тело Клэр тут же плавится, точно масло на сковородке; она на миг прикрывает глаза.

Нельзя строить отношения только на сексе, мелькает мысль. Нельзя жить с человеком и прощать ему пренебрежительное отношение к себе лишь за его прикосновения, от которых душа каждый раз улетает в рай. Нельзя.

Или можно?

С улицы доносится шум мусоровозов. Удар, треск — недельный запас пустых бутылок, выпитых обитателями Передней улицы, исчезает в зияющей желтой пещере. Емкости из-под молока, бутылки из-под мерло и минеральной воды с радостным зво-

ном бьются вдребезги. Грохот стоит тот еще, уборщики мусора не церемонятся, их не волнует, что сейчас всего лишь шесть утра. А вас бы волновало, если бы вам изо дня в день приходилось подбирать за другими мусор?

Клэр высвобождается из объятий Луки. Ну нет, желаемого он не получит, обойдется сегодня без ее ласки. Она ему не игрушка. Если Лука хочет секса, пусть отнесется к ней по-человечески, с уважением; для начала — пусть хотя бы проснется. Уговорить ее труда не составит, ведь лучшего начала дня, лучшего способа взбодриться Клэр не может себе вообразить.

Как грустно, что секс в их отношениях превратился в инструмент воздействия, что отказ от близости стал способом наказания — даже когда Лука в полной отключке и о наказании не подозревает. Как чудесно было бы вернуться в прошлое, в те дни, когда они только начали встречаться и Клэр отдавалась свободно, радостно, не взвешивая «за» и «против»...

С тех пор многое изменилось. На них теперь лежит ответственность. Точнее, на ней лежит. Лука выплывает исключительно за счет своего таланта и обаяния, предоставив Клэр сводить концы с концами.

Они, конечно, договорились об этом с самого начала. Лука и Клэр. Органика и синтетика. Инь и ян. Его кулинарное мастерство и ее деловая хватка прекрасно дополняли друг друга, рождая идеальную команду. Но по ходу дела гармония куда-то подевалась, и чаша весов склонилась в пользу Луки. Обидно.

А ничто так не разрушает отношения, как обида.

Клэр подходит к слуховому окну в углу комнаты, забирается на стул и выглядывает на крышу. Вот они, на месте, три птенчика чайки — страшненькие, голодные, жадные. Она наблюдает за ними с того самого дня, как малыши вылупились. И при каждом взгляде на них сердце у нее замирает. Но ничего не подела-

ешь — вписать в свой нынешний образ жизни ребенка ей не под силу.

Обрадовавшись, что птенцы живы, что с ними все в порядке, что они не свалились с крыши в попытке научиться летать — а ведь вот-вот начнут пробовать! — Клэр полной грудью вдыхает соленый утренний воздух. И впитывает запах — запах солнца, хотя самого светила отсюда еще не видно. Клэр представляет, как оно, опустив взгляд в притворной скромности, ликующе всплывает над устьем реки, готовое приветствовать гостей, которые в выходные сотнями ринутся в Пеннфлит. Их поток затопит узкие извилистые улочки и выплеснется на набережную — вечно голодные туристы, жаждущие пропитания не меньше вот этих самых птенцов. Они весело накинутся на рыбу с жареной картошкой и мороженое, на настоящие корнуоллские пироги и белые бумажные пакетики с рассыпчатой сливочной помадкой, а местные жители будут благодарны приедем если уж не за горы оставшегося после них мусора, то за счастливый неумолчный перезвон кассовых аппаратов.

Клэр плетется в душ. Их комната расположена в мансарде — для платежеспособных клиентов потолок здесь слишком низкий. И не важно, что Лука, в котором метр восемьдесят три сантиметра роста, вечно бьется головой о балки. Изначально они собирались купить жилье где-нибудь в городке, чтобы можно было сбегать туда от рабочих забот, но планы эти так и не осуществились. Выкроить время на осмотр домов оказалось непросто. Да и свободной наличности не хватало. Первое время после переезда в Пеннфлит Клэр, глотая во время перерывов кофе, жадно листала страницы с объявлениями о продаже недвижимости, искала славный маленький рыбацкий коттедж с белеными стенами, который они назовут своим. Однако все вырученные деньги им с Лукой приходилось вкладыв-

вать в отель. Так вот и живут здесь, под самой крышей. Нет, комнатка милая, с деревянными стенами, выкрашенными в белый цвет, с такой же, как во всем отеле, большой кроватью с изогнутым изголовьем; но места для хранения «пожитков» почти нет — сюда едва втиснули маленький шкаф. В нем помещается лишь несколько запахивающихся платьев, которые Клэр носит на работу: темно-синее, черное, серое. Она уже и не помнит, когда в последний раз надевала что-нибудь из «нормальной одежды», хранящейся теперь в вакуумных пакетах. И не помнит, когда последний раз брала выходной. Если она не бежит по отелю, то сидит у себя в кабинете и корпит над маркетинговыми планами, бюджетом, пресс-релизами...

На душ уходит пять минут. Еще пять — на одевание. В четверть седьмого Клэр стоит за регистрационной стойкой, проверяя и перепроверяя график дежурств и моля Бога, чтобы никто из персонала не поддастся искушению сказать больным при виде долгожданного солнца.

На эти выходные почти весь отель заказан. Семь номеров и ресторан. Отдохнуть едва ли получится — хорошо, если за следующие три дня удастся урвать в общей сложности двенадцать часов сна. Она ведь перфекционистка. Именно благодаря этому дела у них идут так хорошо. Потому что Клэр Марло ничего не пускает на самотек.

Благодаря этому — да еще потрясающему кулинарному таланту Луки. Талант Луки — притча во языцех, его обсуждают в воскресных приложениях, журналах и блогах о еде. Жители Лондона с удовольствием трясутся три часа в поезде до Пеннфлита, чтобы попробовать замысловатое блюдо, приготовленное Лукой из мелких кальмаров, фасоли борлотти и цветков кабачка; вкус его мороженого, на итальянский манер называемого «gelati», способен довести до оргазма — во

всяком случае, так утверждает небезызвестный ресторанный критик, закупивший для себя впрок целых пять галлонов медово-кофейного лакомства с добавлением рикотты. Лука — парень с обложки, местная знаменитость. Его узнают везде и всюду. В отличие от Клэр, которую не узнает никто. Иногда она самой себе кажется невидимкой.

В «Приют у моря» все едут ради Луки. Однако никто не подозревает, что без нее, Клэр, Лука был бы никем. Пустым местом.

Глава первая

Черт бы побрал этих чаек! И черт бы побрал Джеффа. Неужели нельзя сунуть мусор в контейнер? Сто раз ему говорили: если просто оставить мешок поверх крышки, птицы его распотрошат. Все без толку!.. И вот, пожалуйста: пакет с отходами порван в клочья, содержимое разбросано по крошечному газону, заменяющему сад перед домом. Траву никто никогда не косит, так что она выросла в полный рост и под собственной тяжестью пригнулась к земле. Анжелика стукнула по окну ванной, но чайки не обратили на нее ни малейшего внимания, продолжая с радостным клекотом кружить над картонным ведром «Кей-Эф-Си» с остатками жареной курицы. Бог знает, откуда оно тут взялось: ресторанов сети «Кей-Эф-Си» не наблюдается на добрых пятьдесят миль вокруг. Такова цена жизни в Пеннфлите. Восхитительный пейзаж — и ни одного заведения, без которого твои ровесники, нормальные молодые люди двадцати одного года, не мыслят себе существования. Ни «Топшопа», ни «Макдоналдса». Даже кинотеатра — и то нет!

При упоминании Пеннфлита многие представляют себе живописную гавань с беззаботно покачивающимися на волнах суденышками да узкие колоритные улочки с не менее колоритными коттеджами и виллами, напоминающими пряничные домики. Именно такие избитые пейзажи в огромных количествах укра-

шают стены пеннфлитских баров и кафе — картины можно приобрести за солидные деньги, о чем свидетельствуют ценники на искусственно состаренных деревянных рамах. Магазины по запредельным ценам предлагают скромную, но стильную одежду для отдыха — платья в цветочек, мешковатые грязно-розовые и синие толстовки, яркие резиновые сапоги с рисунками, а также изящные чашки с заумными надписями и бижутерию ручной работы. По улицам в возбужденном ажиотаже снуют отдыхающие с детьми, упиваются радостями курортного городка, на лето отданного им на растерзание, и совершенно не замечают хранителей этого рая — местных жителей, которые долгими зимними месяцами приводят здесь все в порядок, а в сезон подают туристам чай со сливками да джинс с тоником. Гости называют Пеннфлит приморским Бодензее, и летом тут полным-полно мужчин в шортах цвета хаки и парусиновых туфлях да прелестных аппетитных мамочек в капри и солнцезащитных очках от Шанель.

Но мало кто из приезжих знает, что если пойти по дороге вдоль музея и свернуть налево, миновать крохотное пожарное депо, подняться на холм, а оттуда на Акланд-авеню, то окажешься в грязном районе с запущенными домами. Безликие коробки возвышаются над идиллической береговой пасторалью, совершенно выбиваясь из общей картины. Это дно Пеннфлита; его обитатели не испытывают никакой радости от вида на морскую гавань и речное устье, поросшее пышной зеленью; их единственной надеждой заработать является курортный сезон, изнурительный труд по смене белья и чистке туалетов — разве что кому-нибудь повезет устроиться на хлебозавод или в расположенную поблизости, по дороге в Сент-Остелл, промышленную зону.

Но даже шансы менять белье и драить туалеты все

уменьшаются. Владельцы отелей, кафе и ресторанов, чтобы снизить затраты, стали выполнять тяжелую работу собственноручно; многие маленькие гостиницы, раньше предлагавшие ночлег и завтрак, превратились теперь в апартаменты с кухонькой, где постояльцы могут готовить еду сами. Времена настали тяжелые. Несмотря на прогнозы о том, что из-за кризиса люди проведут отпуск в пределах родной страны, номера бронировались вяло. На плаву держались только элитные отели — у них уже все лето расписано вперед. И Анжелика очень этому радовалась. Она начала подрабатывать в «Приюте у моря» пять лет назад простой горничной, по выходным и на каникулах. После окончания школы ей предложили должность портье на постоянной основе, и Анжелика ухватилась за эту возможность обеими руками. А через три недели ее повысили до заместителя управляющей.

Костюм со вчерашнего вечера валялся на полу. Она подняла его, придирчиво осмотрела. Черная льняная юбка измята; пиджак выглядит чуть лучше. Анжелика попыталась разгладить ткань рукой — безрезультатно. Придется утюжить. Если она не будет одета с иголочки, Клэр взбесится. В «Приюте у моря» главенствует стиль. Все в отеле требует внимания и тщательного ухода: от простыней из египетского хлопка до сверкающих хромом и стеклом ванных комнат, где краны и зеркала полируются мягкой тряпочкой. И не дай бог схалтурить!

Хорошо, что Анжелика теперь правая рука управляющей и больше не должна заниматься черной работой — разве что весь персонал вдруг уволится. Она восприняла новую должность с восторгом, хотя радость несколько поблекла, когда выяснилось, что повышение почти не повлияло на зарплату.

— Прибыль сейчас оставляет желать лучшего, — пояснила Клэр, глядя на помощницу большими чест-